

ГЛАВА 1

Усадьба

Он проснулся в неудобном низком и глубоком кресле, сложенный, словно тряпичная мягкая кукла, и сразу понял, что попал в свой очередной фантастический сон. Повсюду горели тысячи свечей, которые отражались в узких, до пола, зеркалах, играли, переливаясь, в хрустальных сосудах, небрежно расставленных вдоль длинного, устланного нарядной скатертью стола, и в сосудах этих рубиново поблескивали или наливались золотом напитки, а в богатой фарфоровой посуде жирно лоснились салаты и прочая закуска... Пахло едой, горячим воском, пылающими в беломраморном камине дровами и еще, слабо, — духами... Слух же ловил ускользающую фортепьянную россыпь шопеновского ноктюрна. Где-то далеко, возле окна, наглухо зашторенного малиновыми бархатными занавесями, широко расставив три крепких свои, коротких ноги, устроился вычурный уродец — черный, глянцево поблескивающий отраженными свечами рояль, за которым сидела женщина в черном же платье и с рыжими тусклыми волосами. Спину она держала прямо и, казалось, о чем-то задумалась (Герману не было

видно ее лица), да и руки ее были как будто без движения, однако звуки она извлекала с завидным мастерством, и ее игра облагораживала весь сон, все это волшебное зрелище...

Герман пошевелил ногами, вздохнул и сделал попытку подняться, но, от природы худой и легкий, он, однако, не сразу смог покинуть вязкий кокон кресла, ему удалось это лишь с третьей попытки. Он любил свои сны и наслаждался ими самозабвенно, чаще всего осознавая, что это именно сон, а потому все, что в нем происходит — с ним ли, с другими, — останется безнаказанным и бесследным, что утром он проснется и от сна хорошо если останется лишь ворох впечатлений, картинок, ощущений, обрывки волшебных, упоительных галлюцинаций. В детстве ему часто снились клады, он вырывал их из черной холодной земли, извлекая чудесные ларцы и шкатулки, счищая с них грязь, отпирал их каким-то невообразимым образом, распахивал, и сердце его неистово колотилось при виде сокровищ: непременно жемчужных бус, массивных золотых перстней и тяжелых желтых монет... Все это добро он всегда, так уж повелось, складывал во сне на своем стуле, возле кровати, с тем чувством, чтобы, проснувшись, непременно их там обнаружить. Утром было невыносимо видеть стул с аккуратно сложенной на нем одеждой, и ни монетки, ни

бусины... Стул словно пожирал его сокровища, вбирая в себя и жемчужный блеск сокровищ, и горьковато-сладкий дух детских приключений...

Он знал, что стоит ему сейчас пройтись по этой огромной праздничной, похожей на балльную залу, как все будет к его услугам: и сытная приторная еда, и густые, какие бывают только во сне, вина, и теплый воск свечей, который он будет разминать пальцами, вылепивая миниатюрных животных, и камин, в который он, пригнувшись, может даже войти, и огонь встретит его приятной прохладой... Он может даже подняться к высокому потолку, взмыть вверх и покружить вокруг хрустальной театральной люстры — этого произведения искусства, осматривая залу и расставленные вокруг стола вычурные, обитые полосатым, в бледную зелено-жемчужную полоску, шелком, стулья... Он — хозяин своего сна, а потому может все.

Он споткнулся и чуть не упал — прямо под ногами, на узорчатом ковре лежала девушка в белом балльном платье. Кружево на груди было пропитано кровью, лицо — маленькое и бледное — уже осунулось, под ресницами залегли сиреневые тени... Красивая еще недавно прическа растрепалась, под кудри залилась кровью...

С чего бы это ей присниться? Он в первый раз ее видел.

Интересно, к чему снятся трупы? Может, к встрече? Об этом он узнает, когда проснется. Но пока еще рано, еще ночь, он был в этом уверен, а потому, перешагнув через труп девушки, двинулся дальше, ступая по мягкому ковру. Странный звук заставил его остановиться и прислушаться. Показалось или нет, но за окном как будто бы завывала метель. Он знал и любил эти звуки, сохранившиеся у него в памяти с самого детства, но звуки эти были больше киношными, он назвал бы их даже черно-белыми, как и те, полные драматизма, детские фильмы, где действие разворачивалось зимой. В камеру оператора летел неестественно крупный снег и залеплял стекло, а ветер подвывал так, словно природа стонала, подражая волчьему вою, главный герой же, бесстрашный подросток с лицом благовоспитанного пионера, куда-то шел, проваливаясь в снег по самые уши, чтобы кого-то спасти, найти, кому-то что-то доказать... Сейчас же метель носила романтический, с легким оттенком криминала характер. Все-таки старинная бальная зала, свечи... Пламя свечей неспокойно, словно выюга проникает сквозь толстые стены и пытается задуть его. Да и вообще атмосфера в доме какая-то странная, неприятная. Хорошо еще, что тепло, хотя в камине ос-

тались лишь угли. Розовато-серые, живые, они еще источали тепло. Герман подумал о том, что было бы неплохо найти дрова, они, должно быть, спрятаны где-нибудь под лестницей, куда со двора их приносят молчаливые и вышколенные слуги. Но слуг он пока еще не видел, не чувствовал, что в этом доме вообще, кроме него и мертвой девушки, кто-то есть. Предчувствие холода — вот что он почувствовал в этом своем, становящемся тревожным сне. Он подошел к столу, коснулся коленями шелковой, украшенной искусственными розами драпировки на скатерти, хотел было уже схватить аппетитную куриную ножку, выглядывающую из-под зелени, как почувствовал, что уперся носком ботинка (ну не босиком же ему расхаживать по чужому дому!) во что-то мягкое и одновременно упругое. Опустил голову и увидел, к своему удивлению, торчащие из-под длинной скатерти мужские ноги, обутые в черные лакированные ботинки. Носки ботинок разъехались в разные стороны. Черные брюки поднялись, открывая обтянутые серыми прозрачными носками щиколотки. Герман задрал подол скатерти и заглянул под стол. Так и есть. Еще один труп. Молодой мужчина, в смокинге... Он даже не понял, откуда взялась эта уверенность в том, что мужчина мертв. Он мог быть пьяным или просто спать. Герман вытащил его из-под стола за но-

ги. Двигаясь по ковру, тело оставляло за собой влажный красный след. На лбу этого красивого парня, брюнета с выразительными еврейскими чертами, зияло отверстие. Розово-белые узоры на ковре приобрели яркость, наполнились кровью — пуля, по всей видимости, пробила череп мужчины, кровь лилась из простреленного затылка...

Смерть молоденькой девушки на балу — это все-таки более-менее романтически-трагическое происшествие, в духе предутренних сновидений, но мужчина в смокинге с простреленной башкой... И ковер безнадежно испачкан, и курицу что-то есть не хочется. Разве что немного выпить...

«Прости, брат». — И Герман перешагнул через второй труп, плеснул в чистый бокал водки из хрустального графина и выпил. Залпом. Закусил подсохшим соленым огурчиком, зацепил вилкой маринованный рыжик, отправил в рот. Ну вот, теперь можно и просыпаться. Хватит уже, насмотрелись. Он сделал попытку открыть глаза пошире, как бы произвел усилия, чтобы проснуться, но почему-то не просыпался. Надо было придумать что-то такое, после чего он непременно проснется: захотеть, к примеру, чего-то сладостного, приятного, жгучего, чтобы как раз в тот момент, когда он готов будет наслаждаться этим чем-то, и проснуться... Разве не так

происходит обычно, когда не хочешь просыпаться? Разве не так ты приходишь в себя на кровати, рядом с которой стоит стул, где ты во сне оставил свои сокровища? Но сокровищ поблизости не наблюдается. Разве что брильянты на шее и руках мертвой девушки? Брильянты так и сверкают при свете свечей... У парня в смокинге тоже имеется брильянт, впаянный в черный массивный агат золотого перстня. Но разве это не мародерство — срывать украшения с мертвецов? Таким унижительным промыслом Герман не стал бы заниматься даже во сне. Ему бы поскорее выбраться отсюда...

Он знал, что, когда выйдет из большой залы, сразу же увидит уходящий вдаль длинный коридор с бесконечными дверями, которые будут распахиваться перед ним, стоит ему этого только захотеть. Но чего он сейчас хочет? Чтобы первая дверь стала дверью в его спальню, где он наконец проснется и, схватив дрожащими, ослабевшими ото сна руками простыню, промокнет ею влажное лицо... Что дальше? Быть может, есть смысл все-таки побыть еще немного здесь, в этом странном месте, и попытаться все же найти дрова? Ну, где тут лестница? Хотя почему дрова должны быть непременно под лестницей? А где же им тогда быть?

Он выпил еще одну рюмку водки, закусил маленьким бутербродом с черной икрой и вышел из комнаты. Увидел лестницу, ведущую

вниз, широкую, благородную, покрытую красным ковром, прижатым привинченными стальными прутьями к ступеням. Сделал несколько шагов и наткнулся еще на один труп... Прелестная женщина в изумрудном шелковом платье истекала кровью на ступенях лестницы, сразу за кадкой с пальмой. Она лежала спиной вверх, шея ее вывернулась, и голова щекой вниз покоилась на красном ковре. Глаз женщины был полуоткрыт, и, если бы не темное пятно на платье, слева, чуть пониже лопатки, — свидетельство того, что в женщину тоже стреляли, можно было бы подумать, что она смертельно пьяна и просто упала, не дойдя нескольких ступеней до маленькой кушетки на небольшой площадке между лестничными пролетами. Смерть сделала лицо женщины совсем белым, и только ярко-оранжевая помада нежным цветком пылала на ее мертвых губах.

Герман подумал, что ведь где-то здесь, в этом мрачном доме, скрывается и убийца. Он почему-то был уверен, что убийца один и что это мужчина. Во всем темном. Он молчалив, уверен в себе и точно знает, что ему нужно: выстрелить и убедиться в том, что жертва мертва. Причину этих убийств знает только он. Возможно, его наняли, но, скорее всего, он все же не нанятый профессионал — он и есть тот, кто задумал это страшное действие...

Под лестницей он действительно увидел сложенные аккуратно дрова. Прямо на мраморных плитках. И корзина — тут же, рядом. Он наложил ее доверху и поднялся наверх, вошел в комнату, надеясь, что она изменилась, что исчезли хотя бы эти трупы: девушки и мужчины в смокинге. Но ничего подобного не произошло, бальная зала встретила его тем же изысканным шопеновским ноктюрном, запахами снеди и сладковатым ароматом тлевших поленьев. Пора было бы проснуться, но сон услужливо предлагал и дальше наслаждаться жутковатым ночным триллером, давая возможность своему главному герою подложить дров в камин и продолжить свое пребывание в этой странной усадьбе. Герман подбрасывал дрова, любуясь тем, как пламя не спеша охватывает их, обволакивает — розовато-оранжево, заставляет дерево уютно потрескивать, отдавая свой жар и наполняя пространство вокруг спасительным теплом. Он уже понял, что во сне зима, что за окнами свирепствует непогода, завывает метель, а потому не стал даже подходить к окну, чтобы убедиться в этом.

Когда огонь в камине запылал и блики его стали отражаться на гладком, навощенном паркете, Герман подумал о том, что трупы в такой жаре могут испортиться, начать разлагаться. Он думал об этом с такой убийственной простотой и спокойствием, что ему и самому становилось

не по себе. Уже три трупа в одном сне, не многовато ли?

Он решил обойти стол с другой стороны, чтобы не видеть и не касаться ног мертвого парня в смокинге, налить себе еще чего-нибудь крепкого, чтобы уснуть во сне, а потом все же проснуться, как вдруг услышал где-то внизу звонок. Электрический звонок. Вот оно, спасение! Это звонят в дверь его квартиры, значит, сейчас последует пробуждение. Он замер, глубоко вдохнул в себя крепкий запах недавнего праздника (если только можно назвать праздником кровавую бойню на балу) и закрыл глаза, надеясь открыть их уже в нормальной квартире, в своей постели... Но внизу продолжали настойчиво звонить, а он не просыпался. Стало быть, этот звонок не имеет никакого отношения к реальности и кто-то хочет войти именно в усадьбу, в его сон, а не в жизнь... Что ж, пусть, посмотрим, что будет дальше.

Он сделал несколько движений руками, словно приводя в нормальное состояние затекшие мышцы, даже присел пару раз, после чего упругой легкой походкой направился к двери, легко, почти не касаясь ступеней, спустился вниз, стараясь не смотреть на разложенное на ступенях хрупкое женское застывшее тело, пересек просторный холл, чуть не поскользнувшись на гладких серо-розовых мраморных плит-

ках, и остановился перед массивной деревянной дверью, за которой неистовствовал звонивший. Резкий звук терзал слух. Герман, хоть и знал, что это во сне, все равно по привычке, следуя инстинкту самосохранения, спросил глуповато:

— Кто там?

— Откройте! Пожалуйста!

— Кто это? Почему я должен вам открывать?

Герман понимал, что в настоящей жизни он мог быть и повежливее, но не сейчас, когда его стало нервировать теперешнее зависимое положение, когда ему уже надоела эта неопределенность и эти кровавые декорации, среди которых нет ничего из того, чем бы ему можно было бы насладиться, как в жизни: ни приличной, не отдающей кровью выпивки, ни закуски, ни хорошего общества... Даже женщины все мертвые и холодные. Этот сон подошел бы скорее для некрофила, чем для полного жизненных сил молодого мужчины.

— Я сбился с дороги, едва добрался до вашего дома, шел на свет и счастлив, что слышу вас, что в доме кто-то есть... Я замерз, если хотите... Не бойтесь, я не вор, не бандит, меня зовут Дмитрий, фамилия Адамов, я адвокат...

— Да мне плевать на то, что вы адвокат... Хочу, чтобы и вы исчезли, и все остальное... — проворчал Герман, отпирая мощный засов.

Порывом ветра дверь распахнулась, едва не слетев с петель, и из синего морозного снежного прямоугольника дверного проема родился белый человек. Он весь с головы до ног был словно вылеплен из снега, даже в огромную шапку-ушанку его набился снег, даже ресницы густо заросли непомерно крупными снежинками.

Человек ввалился, судорожными движениями прикрывая за собой дверь, словно боясь, что она не поддастся его силе, он спиной прижал ее, и Герман помог ему задвинуть на место массивный металлический засов.

— Вы видели, что там творится? — тоном заговорщика спросил он, кивнув в сторону рвущейся в дверь метели. — Я никогда еще не видел такого... Все дороги заметены, я едва дополз до вашего дома по сугробам, проваливаясь буквально по уши... Черт, я вас совсем не вижу...

— У вас, по всей видимости, очки залеплены снегом...

— Слышу, голос знакомый... — Гость сорвал с носа примерзшие к коже, заледеневшие очки и уставился на Германа. — Здравствуй, — как-то неуверенно проговорил он.

— Привет, — еще более неуверенно ответил ему Герман. — Так как вас, говорите, зовут?

— Дмитрий... — не сразу ответил гость. — А вас?

— Герман. Какого рожна вы делаете в моем сне?

Белый человек какое-то время обдумывал его слова, после чего пожал плечами.

— Так мне можно пройти? — произнес он жалобным голосом.

— Валяй... Только ненадолго. Говоришь, замерз? Я не зверь какой, поднимайся наверх, там тепло... Когда увидишь трупы, не бойся, они же ненастоящие. Так, разложили их повсюду, чтобы людей пугать...

Гость, сначала внимательно слушавший Германа, вдруг словно очнулся, как бывает с человеком, до которого только что дошло, что его разыгрывают, он кивнул головой, как-то странно улыбнулся и принялся стряхивать с себя снег, потом быстро расстегнул пальто или шубу (Герман так и не понял, потому что все было в снегу) и еще раз стряхнул с плеча, с силой, так что во все стороны полетели комья снега и сосульки, с сухим стуком посыпавшиеся на плитки пола. Потом как-то по-свойски сунул тяжелую доху в руки недовольного всей этой сценой Германа и принялся развязывать под подбородком шапку-ушанку. Развязал, стянул, и Герман увидел перед собой разрумившегося симпатичного мужчину. Круглое веселое лицо, густые каштановые волосы, карие блестящие глаза и полные розовые губы.

— А вы ничего... как вас там?

— Дмитрий. Думаю, обойдемся без официоза, без отчества... — Дмитрий вертел в руках непонятно каким образом оказавшиеся у него очки, после чего с виноватым видом принялся протирать стекла вязаным меланжевым джемпером. — Представляете, моя машина сломалась... Примерно в трех километрах отсюда. Это чудо, повторяю, что я увидел освещенные окна... Кругом лес...

— Вы куда, собственно, ехали-то? — смягчившись, Герман снизошел до вопроса.

— Здесь где-то неподалеку есть дачный поселок, вот собирался там отметить Новый год с друзьями... Не доехал. Но, думаю, не один я попал в такое положение... Надо было заказать столик в ресторане, да и все... Знаете, сейчас никто не хочет связываться на Новый год с гостями, закусками, для женщин это мучительно, я их понимаю... А у вас тут... тоже гости? Я смотрю, дом огромный, прямо-таки усадьба, и в каком прекрасном состоянии... Правда, я вижу пока только холл и эту чудную лестницу... Поздравляю, у вас отличный вкус... Так отреставрировать, превратить прямо-таки в музей...

— Вы слишком много болтаете! — рявкнул Герман, с пренебрежительно-демократического «ты» неожиданно перешедший на «вы», но

все равно становиться вежливым с этим заплутавшимся не собиравшийся.

— Зачем вы так... — обиделся гость. — Вы же понимаете, что теперь я полностью в вашей власти, что я завишу от вас, от вашего гостеприимства...

— Вы что, и сами не понимаете, что происходит? — раздраженно спросил его Герман, страстно желая проснуться. — Мне надоела и эта усадьба, и все эти странности... К черту!

И тут он услышал какой-то сдавленный вскрик.

— Ну, чего! Чего вы орете?

— Там... За вашей спиной... Я только сейчас разглядел под пальмой... женщина... на ступенях... в зеленом платье... Она что, выпила лишнего? Я вижу, и вы едва стоите на ногах...

— Она не пьяная, она мертвая, и уясните это себе, наконец. И наверху, в зале, еще два трупа, понятно?

— Да что здесь произошло?

— Какая вам разница?! Пойдемте наверх, там хотя бы тепло... И когда я вам что-то говорю, пожалуйста, не пропускайте это мимо ушей: говорил же вам, что в доме трупы. Но это же сон, а потому зачем так расстраиваться? Выпьем, и станет легче встречать рассвет...

— Вы сумасшедший?

— Нет. Просто я очень хочу проснуться...

ГЛАВА 2

Отрывок из книги О.З.

«Холодные цветы одиночества»

«Вот уже сто лет прошло, как тебя нет. Знаю, понимаю, что тебя не вернуть, но мне же никто не сможет запретить думать о тебе, разговаривать с тобой, рассказывать тебе обо всем, что со мной происходит. Да, все вокруг похоронили тебя, и как же иначе, если прошло так много времени. Но кто-то верит, что ты можешь найтись, что, предположим, с тобой случилось несчастье, тебя избили, и ты потерял память, таких историй вокруг случается довольно часто, достаточно посмотреть передачу «Жди меня». Я же не верю, что ты можешь потерять память, ты слишком умен, слишком везуч, чтобы вляпаться в какую-нибудь историю. Твое длительное отсутствие связано, скорее всего, с твоей смертью. Ты можешь спросить: как это я могу так спокойно произносить это слово? Но только смерть могла бы разлучить нас с тобой. Если бы только сердце твое билось, а мозг работал, ты непременно сообщил бы о себе, позвонил, отправил через медсестру или товарища записку для меня, твоей жены. Понимаю, ты не военный человек, ты не мог участвовать в военных действиях, а потому и сама не знаю, о какой медсестре говорю, но все же с тобой что-то

случилось, раз ты пропал. Я много думала о том, могут ли у тебя быть враги и кому понадобилось бы убивать тебя, пока вдруг не поняла, что слишком мало знаю о тебе, о твоём прошлом. Быть может, прежде чем ты встал на ноги и построил себе дворец из слоновой кости, у тебя и были враги, завистники, как и у каждого состоявшегося человека. Но то зло, что они причинили тебе, все равно обернется против них, так уж все устроено в этой жизни.

Я нашла себе работу. Мне надоело целыми днями валяться перед телевизором и смотреть все подряд. Надоело слушать музыку и листать альбомы с репродукциями моих любимых импрессионистов. Мне захотелось движения, какой-то пусть и тяжелой и неинтересной, но все равно жизни. Ты прости меня, но ко мне начал возвращаться аппетит. Теперь, помимо чашки кофе по утрам, я съедаю бутерброд с сыром, а на обед ем куриный суп. Да, я страшно похудела за эти три месяца, и те, кто меня видел в таком виде, ужасаются, говорят, что так нельзя, что я могу умереть, что, несмотря на то что тебя нет, я-то живу, жизнь продолжается. Знаешь, а ведь меня многие забросили, перестали даже звонить, и я их отлично понимаю, они не знают, как им себя со мной вести. Думаю, должно пройти какое-то время, чтобы мы все привыкли к тому, что тебя нет и что теперь в нашей квар-

тире живу только я одна. Знаешь, я стала находить какое-то удовольствие в уборке, мне кажется, что вода смывает не только грязь со стекла, но и какой-то непонятный, словно заплесневелый слой с моей жизни, что я очищаюсь, когда что-то мою, привожу в порядок. Ты бы увидел нашу квартиру сейчас: она вся вычищена, люстры сверкают, окна прозрачные, чистые, мне и самой нравится эта чистота, словно я умылась, промыла глаза...

О работе. Несложная, связанная с делопроизводством. Мне предложила ее Ирина Васильева, ты знаешь, это моя подруга. Она единственная, пожалуй, кто навещает меня постоянно, кто переживает искренне обо мне. У нее и самой невеселая жизнь. Понимаешь, мы сейчас просто необходимы друг другу. У нее проблема — она ревнует. И не просто ревнует, как ревнуют многие женщины, — она просто больна своей ревностью. Если ты помнишь, у нее муж работает на закрытом предприятии, куда так просто не попасть. Так вот, Ирина считает, что он живет своей жизнью и что именно там, за воротами этого предприятия, у него и есть настоящая жизнь».

Она захлопнула толстую тетрадь, подумав, что тратить страницы и душевные силы на описание проблем подруги, маленькой прокуренной женщины, занимавшей ничтожное место в

ее жизни, не стоит, тем более что Ирина живет своей ревностью и что отними у нее проблемного мужа с его многочисленными любовницами, которые, по ее мнению, обитают в этом подземном, некогда военном заводе, так называемом закрытом предприятии, где в настоящее время выпускают кастрюли и металлические двери, то чем она будет жить? Она всегда являлась с заплаканными глазами и с видом мученицы доставала из сумочки сигареты, бутылку вина, усаживалась на свое излюбленное место в кухне, возле окна, и начинала рассказывать свою жизнь: очередная любовница мужа тоже работает на заводе, как и предыдущая, так дальше продолжаться не может, надо что-то предпринимать, на что-то решаться... Но на решительные действия Ирина была не способна по многим причинам. Во-первых, она любила своего мужа, неразговорчивого, ироничного парня, скромного и тихого, которого трудно было представить себе приударяющим за другой женщиной. Во-вторых, Ирина, получая в своей музыкальной школе гроши, жила за счет мужа. В-третьих, она бы не вынесла сложностей, связанных с разделом квартиры...

Тонкие пальцы ее с ярким терракотовым лаком дрожали, когда она держала сигарету, а маленький пунцовый рот на фоне бледного, с нарямяненными впалыми щеками лица делал ее

похожей на продажную девку. Только рано утром, без косметики, растрепанная, в пижаме, с огромными голубыми глазами и нежным розовым лицом, она напоминала своей миниатюрностью и хрипловатым голосом соблазнительного подростка, и тогда ей хотелось помочь, хотелось обнять ее за узкие плечи, прижать к себе и покачать, как качают детей, успокоить. Но такое ее состояние внешней невинности и искренности длилось, как правило, всего несколько утренних минут, после чего Ирина снова превращалась в размалеванную вульгарную бабу, а ее еще недавно такой подкупающий, хрипловатый, словно непроснувшийся голос теперь выдавал в ней курильщицу со стажем. Она просила сварить ей крепкий кофе, после чего, схватив своими острыми коготками сумочку, с озабоченным видом (ведь наступил новый, готовый для очередной порции болезненной ревности день) покидала Женю.

С тех пор как пропал Герман, жизнь Жени сильно изменилась и представлялась ей теперь некогда веселым и сильным зверем, запертым ныне в грубо сколоченном, без окон, мрачном и тихом доме. Большая светлая квартира словно потемнела. Хотя Ирина, всякий раз появляясь здесь, утверждала, что Женя зря киснет, что жизнь прекрасна и удивительна, и, если бы у нее, у Ирины, была такая квартира и столько

денег, сколько осталось у Жени после Германа, она ни минуты бы не стала жить с ненадежным мужем — стала бы строить свою жизнь с чистого листа. Ирина много говорила о том, что невозможно так вот убивать себя одиночеством, что пора бы уже и начать подыскивать для себя подходящего мужчину. Но не мужа, а просто веселого, доброго парня, с которым было бы приятно проводить время и который бы излечил ее от тоски. Женя слушала ее молча, даже и не пытаясь объяснить, что никто, кроме Германа, ей не нужен и что слова Ирины о том, чтобы Женя подыскивала себе любовника, звучат по меньшей мере кощунственно. Хотя, по большому счету, конечно, она должна была находить в себе силы жить дальше, и пусть первым шагом к возвращению к нормальной жизни будет работа. Даже тот факт, что рано утром ей придется вставать и куда-то идти, что-то делать, и то приносил облегчение. Невозможно было и дальше бездействовать и чувствовать, как последние силы покидают ее. Ирина позвонила ей и сказала, что ее ждут на собеседовании: небольшая фирма в Брюсовом переулке, занимающаяся продажей строительных материалов. Владелец — одноклассник Ирины, честный и порядочный человек, прекрасный семьянин, отец троих детей. Женя, не раздумывая, согласилась. В ее распоряжении было два часа. За это

время она успела привести себя в порядок и даже перекусить. И только уже на улице, открывая дверцу машины, поняла, как же она слаба, так слаба, что не уверена даже, сможет ли она найти в себе силы доехать до Брюсова переулка. Голова кружилась, когда она выезжала со двора, педали, казалось, не слушались ее, стали неимоверно тугими. Но, уже оказавшись на Садовом кольце, она вдруг почувствовала, как машина, словно сама желая вспомнить скорость и полет, рвется вперед, обгоняя медленно двигающиеся, как ей казалось, впереди идущие машины. Солнечная апрельская Москва призывала ее к жизни, влажно поблескивал асфальт, слепой дождик забрызгал ветровое стекло. Она опустила стекло, и в салон ворвался свежий прохладный ветер.

Фирму она нашла быстро, поднялась на второй этаж, постучала в дверь с табличкой «Мастер Бим. Строительные материалы».

— Входите!

Она вошла и увидела приемную, где за секретарским столом сидела улыбающаяся Ирина. Ее голубые глаза лучились хорошим настроением. Казалось, она на время забыла о своем проблемном муже. Рядом с ней сидел крупный мужчина в джинсах и свитере.

— А вот и наша Женечка! Знакомься, Женя, это водитель Вани — Тарас. Тарас, это моя луч-

шая подруга Женя. А Ваня сейчас приедет, обещал, звонил пять минут тому назад...

— А почему «Мастер Бим»? — спросила Женя, чтобы не молчать. Ей не понравился грязноватого вида водитель, да еще к тому же с таким редким, напоминающим матрац именем — Тарас. Но, глядя, как Ирина смотрит на него, Женя вдруг подумала, что подружка ее последовала своему же собственному совету — плюнула на мужа и нашла себе веселого и доброго парня для встреч.

— Да потому, что хозяин — Борисов Иван Михайлович, сокращенно БИМ, вот и все объяснение! Скажи, хорошее название для строительной фирмы? — заливалась Ирина.

Женя вдруг спросила себя: что она делает здесь, в этой комнате, с этими воркующими голубками, чего ждет? Какого-то Бима? А что потом? Будет переключать бумаги, получать газеты, носить документы на подпись? Она имела самое смутное представление о работе секретарши. Кажется, еще надо будет заваривать чай и приносить в кабинет шефа на подносе. Значит, надо будет купить чай и сахар. В голове было пусто, на душе — тоже. Ей смертельно захотелось домой, в свою комнату, забраться под одеяло и включить спасительный телевизор, окунуться в сериалы, захлебнуться ими, подавиться... Кто сказал, что сериалы — это плохо?

Сериалы спасают вот таких вот одиноких и брошенных людей, находящихся на грани... Лежа под одеялом и глядя на экран, на ту жизнь, которую проживают герои фильмов, человеку рано или поздно и самому захочется реальной жизни, движения. И тогда он выползет из теплой постели, примет душ, выпьет кофе и позвонит другу или подруге, попросит приехать или найти работу — вот как, собственно, и произошло сейчас с самой Женей.

— Ирина, а это точно, что он меня возьмет на работу?

— Сто процентов. Под мою ответственность.

Явился Бим — холеный, в желтом клетчатом костюме толстячок с румяными щеками и добродушным лицом. Ирина на правах бывшей одноклассницы представила Женю, наговорила много лишнего, пустого, пользуясь предоставленной ей возможностью охарактеризовать Женю («Ты не пожалеешь, что взял ее, она очень ответственна, серьезна, просто ангел»), и, радуясь тому, что она может вот так легко и непринужденно общаться с владельцем фирмы строительных материалов, сказала, что купит у Борисова гипсокартон. Бим пригласил Женю к себе в кабинет, представляющий собой резкий контраст с убогой приемной: обшитые деревом панели, дорогая, далеко не офисная мебель, кол-

лекция фарфоровых лошадок за стеклом итальянского шкафчика.

— Мне Ирина рассказала о твоём несчастье, — вдруг сказал Борисов, не удосуживаясь даже выдержать некоторую паузу в их отношениях (хотя бы в несколько дней), позволяющую шефу обращаться к своей секретарше на «ты». — Думаешь, твоего мужа убили?

— Не знаю, — тихо ответила не готовая к подобному разговору Женя. — Мне не хотелось бы говорить об этом.

Она собиралась сказать, что считает верхом бестактности вообще напоминать совершенно незнакомому человеку о постигшем ее несчастье, и даже внутренне готова была уйти, все бросить и поехать к себе домой, но почему-то передумала. Рано или поздно Ирина все равно объявится с новым предложением, с новым Бимом и с новой фирмой, она так просто не отстанет от Жени, заставит устраиваться на работу и жить, жить...

— У меня была секретарша, но она ушла в декрет. Работы у тебя будет немного, но скучать не придется. Будешь отвечать на звонки, записывать в журнал, кто звонил и когда, постепенно запомнишь всех наших постоянных клиентов, научишься с ними общаться, приведешь в порядок все неподшитые документы, накопившиеся с тех пор, как ушла Маргарита... Компь-